

**Всероссийская олимпиада школьников
муниципальный этап**

Литература
2017-2018 уч. год
11 класс

Для участника олимпиады

Внимательно прочитайте задания. Ответы записывайте в тетради, в виде связного, цельного, завершенного текста, в прозаической форме, Задания можно выполнять в любом порядке. Соблюдайте правила русского языка и нормы речи. Дополнительные материалы использовать не разрешается.

Общее время выполнения работы — 300 минут (5 часов) Максимальное количество баллов-100

Задание 1

Проведите комплексный анализ *одного* из двух художественных текстов, помещенных ниже (прозаического Текста 1 *или* поэтического Текста 2). Учитывайте инструкцию к ответу, расположенную перед текстом произведения. Работу выполняйте в связной и логичной форме, опираясь на знания в области теории и истории литературы.

Текст 1

Прочитайте рассказ Евгения Шкловского «Театральный роман».

Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы (поэтики): жанровые характеристики произведения, его повествовательное строение (положение и образ рассказчика), сюжетную конструкцию рассказа, именование героев.

Евгений Шкловский

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РОМАН

Занавес уже опустился, но зал еще несколько минут погружен в молчание, потом – каскад рукоплесканий. Аплодисменты продолжают греметь и тогда, когда актеры, несколько раз выбежав на бис, похоже, уже окончательно покинули сцену.

Не унимается зал. Все хотят режиссера, и вот наконец он стремительно выходит: невысокий, голова с крупными залысинами, в тонких затемненных очках, на щеках трехдневная щетина, в коричневых вельветовых брюках и черном свитере с высоким воротом. При его появлении зал буквально взрывается овацией: режиссер знаменитый, спектакль гениальный, зрители вне себя от восторга...

Режиссер благодарно, с чуть иронической снисходительностью кланяется.

Сразу после этого К. срывается с места и бежит за кулисы, оставив Анну ждать в холле. Ему нужно непременно поймать Б., то есть режиссера, они уже сто лет не виделись, с тех самых пор, как тот уехал в столицу, а ведь когда-то были близкими приятелями, правда, тогда еще даже театра здесь не было, а было старое здание клуба и там, помимо кино, выступали приезжавшие на гастроли столичные труппы или разные известные артисты, они вместе туда пробирались – тайно.

Только они и знали об этом лазе: сначала по пожарной лестнице, потом через пыльный чердак на черную лестницу, там самое трудное – приходилось спрыгивать с довольно большой высоты, а еще – чтобы дверь в фойе была не заперта, тут уж как повезет, потому что ее иногда закрывали, а иногда нет.

Лотерея... Но им чаще всего везло, они проскальзывали в фойе, а потом в зал...

Наверняка Б., знаменитый режиссер, об этом помнил, не мог же он забыть того волнения, особенно когда они, миновав все препятствия, с пересохшим от напряжения и чуть першающим от чердачной пыли горлом, усаживались в зале на ступеньки... Приятель уже тогда с ума сходил по театру, К. – тоже, пусть и не так страстно. Хотя его больше манило приключение – лестница, чердачный лаз... Впрочем, и спектакли он смотрел не без интереса, а приятель, тот участвовал во всяких школьных постановках, в десятом классе даже сам поставил "Маленького принца" и играл в нем одну из главных ролей. В зале хлопали и несколько раз вызывали на бис – у ребят и вправду неплохо получилось, азартно, вдохновенно.

Теперь же К. работает в местной газете заведующим спортивным отделом, однако ходит и в театр, уже обзаведшийся новым современным зданием, где помимо прочего еще и культурный центр, кафе с баром и Интернетом, зал для всяких выставок, в общем, все тип-топ... Они тоже ши не лаптем хлебают, у них тоже культурная жизнь...

К. усаживает Анну (свою девушку) в баре, берет для нее чашечку кофе, а сам нетерпеливо ходит вокруг. С минуты на минуту должен появиться старый приятель, теперь знаменитый режиссер. За кулисами его не оказалось (К. опоздал): все его только что видели, и нигде его не было. Потом К. сказали, что тот собирался спуститься в бар, там его уже кто-то дожидается. Но вот прошло уже минут пятнадцать, а приятеля все нет.

– У них там совещание, – говорит К. Анне, – спектакль обсуждают. Это как после футбольного матча: тренер проводит работу над ошибками, анализирует матч, дает наставления... Важно по горячим следам – пока в памяти все свежо, так эффективней.

С тех пор как они виделись в последний раз (Б. приезжал тогда в родной город на похороны отца), больше двадцати лет прошло, срок немалый, виски К. давно уже седые, да и приятель, ставший знаменитым, тоже изменился, несмотря на свитер и вельветовые брюки: постарел, стал еще сутулее, на носу очки (раньше не было).

Впрочем, какое это имеет значение? У К. своя жизнь, вполне сложившаяся, в городе и области его хорошо знают, его спортивные репортажи и заметки в их областном "Курьере" прочитываются почти всем грамотным мужским населением едва ли не прежде политических новостей, и в театр, кстати, он может ходить бесплатно, для него всегда найдется место – директриса культурного центра тоже его хорошая знакомая, до этого она работала в том же "Курьере", в отделе культуры. Но ходит он в театр не часто, хотя и охотно, всякий раз вспоминая про их с приятелем давние чердачные вылазки. Столичных гостей он никогда не пропускает, а если удается, то всегда спрашивает про Б. – как он и что?

"Мой старый приятель, – говорит он. – Мы с ним такое вытворяли!.." – и многозначительно улыбается.

Если честно, то К. несколько обижен: в конце концов, Б. мог бы как-нибудь дать знать, что приезжает, не говоря уже о том, чтобы пригласить на спектакль, короче, вспомнить об их старой дружбе, ничем, в общем-то, не омраченной. Понятно, все они слишком заняты, задыхаются от всякой мелочевки, тогда как на главное совершенно не хватает времени. Да, на главное...

Вот тут К. внутренне осекается: опять же если честно (любимое его выражение), что – главное?..

В самом деле, все уже состоялось: он – видный журналист, в газете его очень ценят, захоти, то мог бы стать заместителем главного редактора, а то и главным (кто знает?), но его вполне устраивает должность заведующего спортивным отделом: сам себе голова, больше и не надо.

Понятно, провинциальная газета, даже и крупная по местным меркам, все равно останется провинциальной, но ведь и тут – люди, болеют, между прочим, за свои, местные, а не только за столичные команды, любят своих спортсменов... ну и журналистов.

Да, тут тоже жизнь, не только в столицах, в каком-то смысле даже более насыщенная, так что на этот счет никаких комплексов. Он бы, наверно, и не хотел жить в большом городе, тем более в мегаполисе, в этой постоянной сумасшедшей гонке с пробками, суетой, перенапряжением. А слава, ну что слава, кого-то она, может, и греет, ему же достаточно и того, что у него есть.

Хотя бы и двадцатидвухлетняя Анна, красоты замечательной, жемчужина, можно сказать, и вот – с ним, с К., которому уже за сорок. Чем не удача, чем не успех? И ведь не потому, что ей что-то нужно от него, а вполне бескорыстно, по взаимному влечению, родству душ и т. п. Он с нежностью оглядывается на нее, сидящую за столиком, с чашечкой кофе, волнистые белокурые волосы стильно стянуты косынкой, серые глаза – как два озера. Анна – супер, вполне могла бы стать топ-моделью.

К. распирает от гордости, что такая замечательная девушка именно с ним, он даже подумывает о том, чтобы...

Впрочем, зачем забегать вперед? Он – старый холостяк и привык к вольной жизни... К тому же и разница в возрасте.

Анна любит спорт и любит театр. Театр, возможно, даже больше, и это нравится К.: спорт – это спорт, а театр – искусство. Это говорит только в пользу Анны, ее любовь к театру. Он заметил, как вспыхнули ее глаза, когда он сказал про детскую дружбу с Б. Оказывается, Анна про того много слышала и даже видела по ящику, надо же, кто бы мог подумать, что они когда-то были друзьями?

Как ни странно, но К. волнуется, курсируя взад-вперед в ожидании встречи с Б., которого все нет. Несколько раз он присаживается рядом с Анной, но почти тут же вскакивает и снова начинает расхаживать.

Впрочем, что тут странного? Столько лет прошло... А он между тем отчетливо помнит и пожарную лестницу, и чердак с его затхлыми понурыми запахами, и даже известковый белесый скол стены в том месте, где они спрыгивали... В сумраке – сосредоточенное лицо Б., тогда еще без очков, курносое, с веснушками, чуть бледное от напряжения – то ли от сознания опасности, то ли – страсть к театру, нетерпение поскорей попасть на спектакль...

От нахлынувших внезапно чувств К. сейчас бы обнял Б., каким бы знаменитым тот ни был, и потом... ну что такое слава? – нечто абстрактное, почти неосозаемое, не дети они, почти все уже понятно про эту жизнь, которой, если опять же честно, не так-то много и осталось. Вот-вот Б. войдет, и они обнимутся крепко, по-братски, потискают друг друга, похлопают по спине, и все сразу встанет на свои места. Очень важно иногда похлопать друг друга по спине, выколачивая пыль времени, или стиснуть покрепче, так, чтобы хрустнули малость заостренвшие суставы. Впрочем, они с Б. еще очень даже ничего: К., как спортивному журналисту, просто неприлично быть не в форме. Да и театральному режиссеру, вынужденному подчас – для наглядности и в назидание актерам – выделять всякие замысловатые трюки.

К. в который раз оглядывается на задумчиво отхлебывающую кофе Анну: удивительная!.. Интересно, что скажет Б., когда увидит ее. Кто-кто, а он-то наверняка сумеет оценить ее красоту, хотя ему, наверно, и не привыкать: там, у себя в Москве, постоянно ведь среди красавиц... Уж и подустал, не исключено, от такого изобилия. И что ему до провинциальных красоток, если там его потчуют по высшей категории?

А все равно. И в юности-то Б. был большим ценителем. Помнится, они за одной девочкой ухлестывали в десятом классе, голубоглазая, волосы такие же белокурые и волнистые, как у Анны, даже чуть не рассорились (что-то в этом роде), а та все-таки склонялась к Б., как-никак артистическая натура, хотя пока еще и не знаменитость. В школе, впрочем, все равно был замечен – пока они в футбол гоняли или на брусьях крутились, Б. в спектаклях репетировал и даже кое-что сам ставил. Футбол – это футбол, а театр – ...

Что говорить! В общем, переиграл он увлекавшегося тогда (и всегда) спортом К., увел девушку. Надо же, как-то выпало (вытеснило) из памяти, неприятный такой казус, вроде как соперничество.

К. смотрит на дверь, откуда должен вот-вот появиться Б., в свитере и вельветовых брюках, но видит в то же время и Анну, закуривающую сигарету. Как же хороша, однако, хоть сейчас на обложку модного журнала! Иногда даже не верится, что она с ним, с К., такое везение...

Сердце тревожно екает: а вдруг Анне понравится Б.?

Знаменитость как-никак, хлопала-то очень азартно.

У него тогда промелькнуло еще: ага, если он обнимется с Б., то непременно возвысится в глазах Анны, не может не возвыситься – с такой знаменитостью вась-вась, не зря, значит, она с ним... Даже как-то иначе себя ощутил сразу, будто и вправду вырос, хотя и без того немаленького роста, плечи и всё там, спортом занимался всю жизнь. Ничего, он тоже неплох, сам по себе, но и вообще, вот у него какие приятели. И все они в их небольшом городке не лыком шиты... И

Анна с ними, с ним, а не где-то там, за тридевять земель, в столичных элитных клубах, с неведомыми хозяевами жизни в малиновых пиджаках и золотыми цепями на шеях, в остроконечных саламандровых туфлях и в галстуках от Диора.

Ну где ты, Б., покажись наконец!

Когда Б. появляется в баре, слегка утомленный, с красными пятнами на бледном лице – от уже принятого, и не раз, коньяка, в шумном окружении актеров и актрис, тоже уставших, но все еще возбужденных от восторженного приема (привычного и все равно хмелящего), к нему сразу подсакивают несколько из местных журналистов и завзятых театралов, кое-кто с диктофоном, кто-то с программкой для автографа, а кто и с брошюрой про него, недавно вышедшей. Девушки жмутся стайкой в уголке – вдруг удастся познакомиться? вдруг судьба сделает кульбит, и знатный столичный гость положит приглядчивый острый глаз из-под затемненных круглых очков, а la Джон Леннон?

Именитый режиссер крутит головой, глазами шарит по сторонам, с некоторым даже беспокойством, вроде как выглядывает в полумраке кого-то. Сейчас, одну минуту, простите... Ну да, видел же он в зале К., старого приятеля, однокашника, ах, милый, и потом ему сообщили, что тот его искал и собирался дожидаться в баре.

Глаз постепенно привыкает к полумраку, различает настороженную чуткую стайку в уголке, готовую ринуться по первому зову, такую знакомую по всяким разным местам, где приходится бывать с гастролями, глаз ищет-рыщет, попутно срывая цветы славы, но только все равно не находит того, кого ищет.

Ни его, ни той милой (весьма, весьма, ай да К.!) барышни рядом с ним...

Текст 2

Прочитайте стихотворение Эдуарда Багрицкого «Нарушение гармонии». Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы (поэтики): жанрово-тематическую специфику стихотворения, связь названия стихотворения с его содержанием и формальными чертами, художественную роль геометрических форм и понятий, символическое значение образов и деталей.

Эдуард Багрицкий

НАРУШЕНИЕ ГАРМОНИИ

Ультрамариновое небо,
От бурь вспотевшая земля,

И развернулись желчью хлеба
Шахматною доской поля.

Кто, вышедший из темной дали,
Впитавший мощь подземных сил,
В простор земли печатью стали
Прямоугольники вонзил.

Кто, в даль впиваясь мутным взором,
Нажатым медленной руки
Геодезическим прибором
Рвет молча землю на куски.

О Землемер, во сне усталом
Ты видишь тот далекий скат,
Где треугольник острым жалом
Впился в очерченный квадрат.

И циркуль круг чертит размерно,
И линия проведена.
Но всё ж поет, клонясь неверно,
Отвеса медного струна:

О том, что площади покаты
Под землемерною трубой,
Что изумрудные квадраты
Кривой рассечены межой;

Что, пыльной мглою опьяненный,
Заняв квадратом ближний скат,
Углом в окружность заключенный,
Шуршит ветвями старый сад;

Что только памятник, бессилён,
Застыл над кровью поздних роз,
Что в медь надтреснутых извилин
Впился зеленый купорос.

1915

Количество баллов — 70.

Задание 2

Не все стихи пишутся силлабо-тоническими размерами, и не все имеют рифму. Современный критик Татьяна Михайловская сделала такой эксперимент: она попробовала записать прозаический текст, разбив его на стихи, и наоборот — стихотворный текст «сплошной» строкой. Угадать, каким был авторский вариант, оказалось нелегко.

Попробуем повторить эксперимент Т. Михайловской. Прочитайте один и тот же текст в двух вариантах (прозаический Текст 1 и поэтический Текст 2). Ответьте на вопросы.

Текст 1

Разные деревья имеют разные имена, а разные облака имен не имеют: слишком быстротечна их жизнь. Этому не понимают только дети, и дают облакам имена. Но однажды дети становятся взрослыми... и наступает осень - и идут долгие дожди. Люди ругают погоду, а погода здесь ни при чем.

Текст 2

Разные деревья имеют разные имена,
а разные облака имен не имеют:
слишком быстротечна их жизнь.

Этому не понимают только дети,
и дают облакам имена.

Но однажды дети становятся взрослыми...
и наступает осень -
и идут долгие дожди.

Люди ругают погоду,
а погода здесь ни при чем.

(А. Бельмасов)

- 1) Какой была авторская форма текста (стихи или проза)?
- 2) Какой, по вашему мнению, является логика «разбивки» этого текста на строки? Следует в ней что-то изменить?
- 3) Какое произведение русской поэзии вы бы назвали близким к прозе и почему? Свое мнение аргументируйте.

Количество баллов — 30